

УДК 947

**Партийная организация РКП (б) – ВКП (б) Кубани и Черноморья
в 1920-х гг.: организационно-кадровый потенциал**

Юрий Асланбиевич Яхутль

Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, филиал
в г. Краснодаре, Российская Федерация
350000, г. Краснодар, ул. Леваневского, 82
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: a075ca@yandex.ru

Аннотация. В статье выявляются исторические условия и проявления организационного строения и кадровой политики большевистской партии в 1920-х гг. Оценивается генезис партийной номенклатуры на общероссийском и региональном уровнях. Сравняются императивы институционального строительства в условиях политики «военного коммунизма» и новой экономической политики. Раскрыта специфика формирования и динамики состава правящей партии в Кубано-Черноморской области. Определены угрозы неэффективности партийной организации: коррупция, низкий уровень образования и политического опыта, отрыв от населения региона. Доказывается, что переход к индустриализации требовал коренной реформы формирования партийных организаций, замены принципов рекрутации партийно-государственной элиты, обеспечения политической и личной лояльности номенклатуры.

Ключевые слова: политическая партия; большевики; региональная организация; Кубано-Черноморская область; 1920-е гг.; организационно-кадровый потенциал.

Введение. Опыт Гражданской войны сыграл решающую роль в понимании большевистской партии как централизованной иерархической структуры. Издержки системы «военного коммунизма», резко проявившиеся в 1920 г., вызвали риски раскола партии на «верхи» и «низы». По признаку степени обладания властью можно выделить три обособленные группы большевиков 1920-х гг. Во-первых, «рядовые партийцы» – основная масса членов РКП (б), исполнители директив и кадровый резерв аппарата. Во-вторых, управленцы низового и среднего звена (бюрократия). В-третьих, небольшой слой профессиональных управленцев, реально вершивших политику в стране и ее регионах (элита). Элита определяется как замкнутая устойчивая группа лиц с наибольшей реальной властью или доступом к ресурсам и центрам власти. Политическая элита 1920-х гг. характеризовалась признаками: идеологизированностью; формированием в ходе борьбы за власть; происхождением из рабочего класса и маргинальных слоев; правовым нигилизмом; жесткой самодисциплиной и внутриэлитной демократией. Постепенно в ходе нэпа старые большевики вытеснялись из структуры власти более молодым и прагматичным поколением «выдвиженцев» И.В. Сталина, нацеленных на директивные методы управления и личную преданность вождю.

Материалы и методы. Источниковая основа статьи включает в себя директивные документы РКП (б) – ВКП (б), работы руководителей большевистской партии в целом и её Кубано-Черноморской областной организации, статистические данные о социальном составе и динамике численности парторганизации, материалы партийных контрольных комиссий. При написании статьи учтены достижения историографии. Базовое значение имеет теоретическое определение партийно-государственной номенклатуры 1920-х гг. в монографии М.С. Восленского [1]. Прикладной анализ перерождения правящей партии, механизмов и каналов рекрутации её кадров провели на материалах Кубано-Черноморской области С.А. Кислицын [2], А.В. Баранов [3; 4], И.Г. Иванцов [5]. В статье применен сравнительный исторический метод, структурный функционализм, а также позиционный подход к определению политической элиты.

Обсуждение проблемы. Всероссийское совещание представителей губернских комитетов РКП (б) в октябре 1920 г. приняло резолюцию о едином построении аппарата, о сосредоточении власти в партийных комитетах и их секретариатах [6]. Это было продолжением идей В.И. Ленина, который обосновал в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» подмену диктатуры пролетариата «диктатурой партии» от лица класса [7]. В понимании Ленина рабочий класс не способен к реальному властвованию [8]. X съезд РКП (б), проходивший в условиях нарастающей волны недовольства населения, принял беспрецедентную резолюцию

«О единстве партии». Обеспечивалась принудительная дисциплина аппарата власти под страхом исключения инакомыслящих из партии [9]. Главная роль в реальном управлении перешла от ЦК РКП (б) к более узким, избираемым косвенно коллегиям: Политическому и Организационному бюро ЦК, Секретариату ЦК и генеральному секретарю ЦК (институт введен в 1922 г.). Формировались властные полномочия РКП (б), единообразная сеть органов управления. В регионах, где война затягивалась, создавались краевые бюро ЦК РКП (б) – назначаемые органы. 31 марта 1920 г. ЦК партии образовал Кавказское краевое бюро, 21 марта 1921 г. преобразованное в Юго-Восточное бюро, руководившее деятельностью областных комитетов партии, в т.ч. Кубано-Черноморского [10]. Летом 1924 г. создается Северо-Кавказский краевой комитет РКП (б), которому подчинены окружные комитеты, образованные взамен упраздненных областных. Вместо Кубано-Черноморской созданы Кубанская, Армавирская, Майкопская и Черноморская окружные парторганизации [11].

Состав правящей партии в период «военного коммунизма» свидетельствовал о неэффективном облике и характере мобильности как номенклатуры, так и рядовых членов. Рабочие к марту 1920 г. составляли 11 %, а служащие – 53 % общего числа членов партии [12]. Удельный вес рабочих среди членов РКП (б) за 1917–1921 гг. сократился с 60,2 до 37,3 %; крестьянства – вырос с 7,6 до 32,1 %; служащих – остался устойчивым (32,2 % и 30,6 %) [13]. Эти диспропорции качественного состава партии сохранялись и в годы нэпа. По итогам переписи членов РКП (б) 1927 г., лишь 26,9 % коммунистов страны относились к категории рабочих по роду занятий (48,8 % - по происхождению); соответственно 13,9 (23,9 %) – крестьяне и 45,5 (24,7 %) – служащие. Политически грамотными считали себя около 40 % членов партии. Кластер-анализ состава региональных парторганизаций ВКП (б), проделанный В.С. Тяжелниковой, позволил установить специфику статуса и факторы сознания большевиков Северо-Кавказского края. В 1927 г. край отличался преобладанием большевиков с низшим образованием (60,3 %), из которых только 3 % имели дореволюционный партийный стаж [14]. В годы нэпа сложился слой «советских служащих» - выходцев из беднейшего крестьянства и рабочих. Он стал ядром всесоюзного и краевого состава коммунистов. В 1927 г. лишь 26,9 % партийцев страны - рабочие по роду занятий (48,8 % - по происхождению). В крае – соответственно, 32,5 и 55,6 %; служащие составили 45,5 % и 24,7 % в СССР; 49,2 % и 19,7 % на Северном Кавказе [15]. В станицах Северо-Кавказского края 1 июля 1926 г. проживало 80,2 % населения региона и только 32,8 % состава парторганизации. Казаки составляли 27,5 % всего населения и 3,6 % большевиков края [16; 17].

Кубано-Черноморская областная партийная организация большевиков к началу нэпа была малоэффективной. Основная ее работа концентрировалась на укреплении первичных партийных ячеек и усилении работы среди крестьянской бедноты. По отношению к населению партийные органы требовали принятия решительных репрессивных мер. Рабочие в перспективе должны были пройти политическое образование и стать орудием достижения поставленных целей партии [18]. Преобладание силовых методов в пропаганде новых идей свидетельствовал о слабости власти и отсутствии подготовленных кадров. Политическая составляющая вопроса заключалась в создании сети партийных и государственных органов власти. В июне 1920 г. в области действовало 92 ячейки, объединившие 1140 членов партии, 1870 кандидатов в члены РКП (б) [19]. Параллельно создавалась сеть революционных комитетов (ревкомов) – чрезвычайных, назначаемых органов власти. В январе 1920 г. при штабе Юго-Восточного фронта учрежден Кубанский революционный комитет. После прибытия в г. Екатеринодар он преобразован в Кубано-Черноморский областной ревком. Летом 1920 г. в станицах, селах и аулах было около 700 ревкомов [19].

За годы нэпа произошли значительные изменения социального состава большевистской партии за счет увеличения в ней «мелкобуржуазной» прослойки. Меры, предпринятые руководящими органами партии для увеличения её численности, а также партийные чистки не могли в полной мере решить вопрос «идеологической чистоты» партии. Следовательно, это оказывало самое негативное влияние на проводимые реформы. К этому времени относятся первые шаги по созданию и формированию привилегий для партийных руководителей и активистов.

Массовое исключение из состава правящей партии в начальные годы нэпа связано со слабой партийной дисциплиной и недостаточным опытом работы большевиков, нарастанием коррупции. Партийные взыскания не всегда определялись степенью правонарушений. Во многом, это объяснялось тяжелым экономическим положением и морально-психологическими качествами членов партии. Основаниями для исключения из партии могли служить выявленные факты пьянства, кражи (уголовные дела), дезертирства с «трудового фронта» и т.д. В ноябре 1921 г. В.И. Ленин поставил на обсуждение Политбюро ЦК РКП (б) вопрос об ответственности членов партии. Предпринята попытка пересмотреть циркуляр с задачей

повысить ответственность коммунистов в случае привлечения их к суду по общим уголовным делам и устранении возможности внесудебного вмешательства для ослабления ответственности коммуниста. В январе 1922 г. появился циркуляр РКП (б) «О взаимоотношениях парткомов с судебными следственными комиссиями». Необходимо было усилить ответственность членов партии в случае совершения ими проступков, подлежащих ведению гражданского или уголовного суда [20].

Начало 1920-х гг. характеризовалось активной фазой противостояния государства и вооруженных повстанческих формирований в аграрных регионах, в т.ч. – Кубано-Черноморской области. С каждым годом полномочия карательных органов расширялись, но усиливался и партийный контроль за их деятельностью. Эти меры обусловлены жесткой политической борьбой внутри правящей партии и неустойчивой судебной и правоохранительной системой страны, идеологизированностью законодательства. В случае правонарушений к членам РКП (б) применялись не только санкции Уголовного кодекса РСФСР, но и исключение из партии. Иногда партийная ячейка использовала конфликты между своими членами для чистки. Это приводило к обращениям в высшие контрольные органы партии. В некоторых случаях решения были спорными. Например, коммунист В.А. Карлов из ст-цы Атаманской Ейского отдела обратился в Кубано-Черноморскую областную партийную следственную комиссию с просьбой о восстановлении в партии. Основанием исключения послужила его принадлежность к интеллигенции [21]. В партийной организации г. Туапсе выявлены факты кражи имущества членами партии Суховым, Байрамовым С., Даланчук И., Шилиным, Середой М., за что они исключены из партии, но не привлечены к уголовной ответственности. В случае нарушений требований Устава партии или незначительных правонарушений применялись меры дисциплинарного характера, например, перевод в кандидаты в члены партии сроком до 3 месяцев [22]. В феврале 1921 г. 2-я Кубано-Черноморская областная партийная конференция признала факт неконтролируемого распада ряда первичных организаций.

Невозможно перевести государственную систему управления с военных методов руководства на мирные без серьезных проблем, без нарушений законодательства, без политических и экономических потрясений. Именно этот период переживала Советская Россия. Выстроить эффективную систему рекрутации правящей элиты оказалось труднее, чем победить на полях сражений. Малоопытные партийные работники, не имеющие политического и жизненного опыта, а тем более – управленческого, работали методом проб и ошибок. Партийные лидеры Кубано-Черноморской области признавали, что рабочие поддерживают советскую власть, но не партию большевиков. Большевистская организация в области осенью 1921 г. сократилась с 21172 до 14289 чел. (на 30%), в основном за счет выхода из партии представителей рабочего класса – 1592 чел. (22%) [23]. Наибольшее количество исключенных членов партии зафиксировано в местах активности «бело-зеленых» повстанческих отрядов. В этот период появляется тенденция добровольного выхода из партии по идеологическим соображениям и несогласие с проводимой экономической реформой [24]. Выход из состава партии по собственной инициативе или в итоге партийной чистки не мог в корне изменить ход событий.

Болезненно воспринимались факты злоупотребления большевиками служебным положением, нарушения законов, оторванности от масс, «игнорирования доносов и жалоб на эти несправедливости», что в конечном итоге способствовало ослаблению влияния партии [25]. Местные партийные органы открыто признавали свою несостоятельность и полное отсутствие власти [26]. Партийные ячейки переживали идейный и организационный кризис. В партийно-следственную комиссию поступали материалы, свидетельствующие о незаконных действиях членов партий [27]. Первые шаги по формированию судебного иммунитета членов партии оформились именно в эти годы. Новая экономическая политика потребовала от партийных, советских, хозяйственных органов и руководящих кадров «особой стойкости и твердости». Оценка негативных последствий нэпа позволяла партийным органам установить «надзор за всеми ответственными работниками» [28]. Органы ОГПУ осуществляли несанкционированные просмотры писем, контролировали переписку, из которой виден рост недовольства населения результатами реформ [29].

Процесс имел и ряд положительных последствий, способствовавших улучшению дисциплины, очищению от случайных «попутчиков», усилению влияния партии на хозяйственную и политическую жизнь. В 1923 г. коммунисты составляли 0,34 % от общего количества населения Кубано-Черноморской области [30]. За основу партийного строительства приняты границы, утвержденные для органов местного самоуправления – советских исполкомов. Районы области были поделены на 4 группы. К первой группе относились городские райкомы, ко

второй группе относилось 11 районов, к третьей – 9, к четвертой – 15 райкомов [31]. В 1924 г. Кубанская партийная организация насчитывала 5869 членов, из них кандидатов в члены партии – 3530 чел. Основная часть партийного актива численностью 3379 чел. сосредоточилась в г. Краснодаре. 40 % членов партии проживали и работали в 18 районах Кубанского округа [32]. С апреля по июль 1925 г. количество партийных ячеек выросло вдвое. Численность партийной организации Кубанского округа достигла 8876 чел. (из них женщин – 1181 чел.) (5350 чел. на 1 января 1924 г., в т.ч. женщин – 591). Численность же батраков в партийной организации была незначительной и составляла 324 чел. (2,2 %) в 1926 г. и 512 чел. (4,9 %) в 1927 г. За эти годы представительство интеллигенции увеличилось с 446 чел. (4,2 %) до 465 (4,3 %). Предпринимались меры по вовлечению казачьей молодежи в работу партийных структур. Партийная организация понимала необходимость формирования кадрового резерва и с этой целью активно вовлекала молодежь в политическую деятельность. В Кубанском округе комсомольская организация сохраняла стабильную численность: в 1926 г. – 16030 чел., в 1927 г. – 15146 чел., в 1928 г. – 16882 чел. [32]

Результаты. 1920-е годы стали важнейшим этапом закрепления партийно-государственной системы управления и слияния функций правящей большевистской партии и государства. Постепенно принципы построения РКП (б) пронизали собой все общество. Рабочий класс, будучи резервом пополнения партийно-государственной элиты, на деле не правил. РКП (б) к середине 1920-х гг. завершила эволюцию от союза добровольных единомышленников к централизованной иерархической структуре, имеющей три функциональных уровня: рядовых членов – исполнителей, бюрократии (профессиональных управленцев) и правящей элиты. ВКП (б), завоевав и укрепив безраздельную власть, все более становилась разнородной по составу и интересам. Элита служила сплачивающим началом в «партии-государстве», формируясь из рабочих и беднейшего крестьянства, маргинальных слоев.

Заключение. Новая экономическая политика воплотила в себе комплекс как экономических реформ, так и мер, призванных стабилизировать политическую сферу. Однако либеральные реформы в экономике не означали либерализацию общественной жизни. Внутрипартийная борьба, непонимание содержания проводимых реформ рядовыми членами партии ужесточали курс внутренней политики. Столкновения порождали новые противоречия и, тем самым, усугубляли положение. Большевистская организация Кубани и Черноморья сталкивалась с растущей разнородностью шаткой социальной базы – «иногородних» крестьян, бедняков, служащих и маргинальных слоев населения. Именно в подобных аграрных регионах ярко выявилась не только разрушительная сущность «военного коммунизма», но и выдающиеся способности партийно-государственной элиты использовать противоречия (особенно сословно-классовое неравенство, разрыв в уровне развития местностей, потребность в модернизации общества) ради сохранения абсолютной власти любой ценой. Шло замещение революционной элиты первых лет нэпа на прагматичную элиту сталинского времени. Они получили «политическое крещение» в середине 1920-х гг., когда партия уже поставлена под жесткий контроль сталинской группы. «Выдвиженцы» стали определять облик правящей элиты к началу коллективизации, и это негативным образом сказалось на качестве кадрового потенциала правящей партии.

Примечания:

1. Восленский М.С. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
2. Кислицын С.А. Эволюция и поражение большевистской элиты. Ростов н/Д, 1995.
3. Баранов А.В. Тенденции гражданского примирения в политических реформах «расширения» нэпа 1924–1926 гг. на Юге России // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2013. №3. С. 55-62.
4. Баранов А.В. Общественное мнение и политическая активность Юга России в условиях свертывания нэпа (1926-1929 гг.) // Клио. 2013. №6. С. 72-77.
5. Иванцов И.Г. Роль внутрипартийного контроля в укреплении и развитии ВКП (б) 1920-1929 гг. (на материалах Кубани). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005.
6. Известия ЦК РКП (б). М., 1920. №24. С.5; №25. С. 55; №27. С. 1-4.
7. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 24, 102-103.
8. Ленин В.И. II Всероссийский съезд горнорабочих 25 янв.-2 февр. 1921 г. Доклад о роли и задачах профессиональных союзов на заседании коммунистической фракции съезда 23 января // Полн. собр. соч. Т. 42. С. 253.

9. Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М., 1963. С. 632-634, 541-542.
10. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 911. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-2.
11. Серебрякова Т.Е. Деятельность Северо-Кавказского крайкома (1924–1934 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1990.
12. Десятый съезд РКП (б). Март-апрель 1920 г. Протоколы. М., 1960. С. 573.
13. Всероссийская перепись членов РКП (б) 1922 года. М., 1923. Вып. 4. С. 37, 45-46, 26.
14. Тяжелникова В.С. Состав партийных организаций в конце 20-х годов // Вопросы истории КПСС. 1990. №1. С. 75-77.
15. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 843. Л. 65, 73-74.
16. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. V. С. 10.
17. Северо-Кавказская краевая организация ВКП (б) в цифрах. Ростов н/Д, 1926. Вып. III. С. 12, 26.
18. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 17. Оп. 1. Д. 19. Л. 23.
19. История Кубани. XX век: Очерки / А.М. Авраменко, А.В. Баранов, Ю.А. Болдырев и др.; под ред. В.Е. Щетнева. Краснодар, 1998. С. 31-32.
20. Павлов Б.В. Становление контроля партийной номенклатуры над правоохранительной системой в 1921–1925 годах // Вопросы истории. 2004. №1. С. 43.
21. ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 50. Л. 44.
22. ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.
23. ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 620. Л. 26.
24. ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 414. Л. 135.
25. ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 413. Л. 35.
26. ЦДНИКК. Ф. 1771. Оп. 1. Д. 135. Л. 1.
27. ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
28. Государственный архив Краснодарского края (далее - ГАКК). Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 3. Л. 29.
29. Измозик В.С. НЭП через замочную скважину // Родина 2001. №8. С. 81.
30. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 293. Л. 39.
31. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 378. Л. 12.
32. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 12. Л. 13.

UDC 947

Party Organization Russian Communist Party (Bolsheviks) - All-Union Communist Party (Bolsheviks) of Kuban and the Black Sea Region in 1920s: Organizational and Human Resources Capacity

Yuri A. Yahutl

St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law, a branch in the Krasnodar city, Russian Federation
350000, Krasnodar, Levanevskogo Str., 82
PhD (history), Associate Professor
E-mail: a075ca@yandex.ru

Abstract. The article highlights historical conditions and displays organizational structure and human resources management of the Bolshevik Party in 1920s, estimates genesis of party nomenclature at all-Russian and regional levels, compares imperative of institutional construction in terms of 'military communism' policy and new economic policy. The specific character of formation and dynamics of the composition of the ruling party in Kuban-Black Sea Region is revealed. The risk of inefficiency of the party organization: corruption, low level of education and political experience, divorce from region's population is determined. The paper proves that transfer to the industrialization demanded radical reform of party organizations establishment, change of the principles of recruitment of party and state elite, provision of political and personal loyalty of the nomenclature.

Keywords: political party; Bolsheviks; regional organization; Kuban-Black Sea Region; 1920s; organizational and human resources potential.